

ЛЕТО с ГОМЕРОМ

Сильвен Тессон

Сильвен Тессон

Лето с Гомером

«Ад Маргинем Пресс»

2018

УДК 821
ББК 83.3(0) 3

Тессон С.

Лето с Гомером / С. Тессон — «Ад Маргинем Пресс», 2018

ISBN 978-5-91103-499-3

Расшифровка радиопрограмм известного французского писателя-путешественника Сильвена Тессона (род. 1972), в которых он увлекательно рассуждает об «Илиаде» и «Одиссее», предлагая освежить в памяти школьную программу или же заново взглянуть на произведения древнегреческого мыслителя. «Вспомните то время, когда мы вынуждены были читать эти скучнейшие эпосы. Мы были школьниками – Гомер был в программе. Мы хотели играть на улице. Мы ужасно скучали и смотрели через окно на небо, в котором божественная колесница так ни разу и не показалась. А что, если теперь пришло время напиться этими золотыми стихами, насладиться этими наэлектризованными строками, вечными, потому что неповторимыми, этими шумными и яростными песнями, полными мудрости и такой невыносимой красоты, что поэты и сегодня продолжают бормотать их сквозь слезы?» В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821
ББК 83.3(0) 3

ISBN 978-5-91103-499-3

© Тессон С., 2018
© Ад Маргинем Пресс, 2018

Содержание

Предисловие	6
Тайны, покрытые мраком?	8
Близость вечных поэм	8
Когда кончены муки	10
Гомер – отче наш	11
Гнозис, гипнозис, неврозис	13
Гомеровская география	14
Абстрагироваться от реальности?	15
Жизнь в свете	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сильвен Тессон

Лето с Гомером

Omnia pro illa.

Τό πᾶν δι' αὐτήν.

Tout pour elle.

Tutto per lei.

Всё для нее.

Un été avec Homère

Sylvain Tesson

© Editions Des Équateurs / France Inter 2018

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

Предисловие

Запись цикла радиопередач «Лето с Гомером» оказалась для меня не только огромной честью, но и невероятной удачей¹. Мне предложили окунуться в «Илиаду» и «Одиссею» с головой. Путешествуя, мы с удовольствием купаемся в горных ручьях. Точно такую же радость испытываешь погружаясь в эти поэмы. Я жил несколько месяцев ритмом гомеровского стиха, вслушиваясь в его звучание, всходя на корабли и участвуя в сражениях. Эти поэмы научили меня жить полнее. Помогли лучше понять настоящее. В этом и заключается античное чудо. Две тысячи пятьсот лет тому назад один поэт, несколько мыслителей и выброшенные (или сошедшие) на гальку Эгейского моря философы дали нам идеи, ценность которых преодолела века! Древние греки учат нас тому, до чего мы еще не дошли.

На дворе двадцать первый век. На Ближнем Востоке неспокойно – Гомер описывает эту войну. Сменяют друг друга правительства – Гомер пишет о ненасытности человеческой натуры. Курды героически отстаивают свою землю – Гомер рассказывает, как Одиссей пытается вернуть себе отнятое у него царство. Нас пугают экологические катастрофы – Гомер описывает буйство природы и людское безумие. События современности находят в этих поэмах свой живой отклик, или, если быть точнее, любое историческое потрясение является всего лишь отзвуком того, что предчувствовал Гомер.

Открывать «Илиаду» или «Одиссею» – это как открывать вечернюю газету. И в этой мировой газете, написанной уже давным-давно, говорится о том, что под Зевесовым солнцем нет ничего нового: человек остается верен самому себе, являясь все тем же величественным и безнадежным животным, излучающим свет и источающим посредственность. Так что благодаря Гомеру можно сэкономить на покупке газет.

И вот появляется Одиссей. Кто этот удивительный человек? Он обожает странствия, но любит возвращаться домой. Хочет открывать окружающий мир, но скучает по дому. Наслаждается с нимфами, но плачет по Пенелопе. Бросается в неизведанное и жаждет домашнего очага. Одиссей, как иронизировал в своей книге «Приключение. Скука. Серьезность» Владимир Янкелевич, «ложный путешественник, это – домосед по призванию и искатель приключений в силу обстоятельств». Этого неуловимого хитреца и силача раздражают его же собственные слабости. Это – ты, читатель, это – я, все мы: это – наш брат. Читая «Одиссею», мы словно глядимся в зеркало своей собственной души. И в этом гений Гомера, способного в нескольких песнях набросать портрет человека вообще. Больше такого не удавалось никому.

В его стихах переливаются свет и принятие мира, нежность к зверью и лесам, одним словом, трепетное отношение к жизни. Открыв эти книги, вы услышите песню прибора. Конечно, порой ее будет заглушать лязг оружия. Но эта песня любви, обращенная к нашей земной жизни, возвращается снова и снова. Гомер – музыкант. И мы живем в отзвуках его симфонии.

Эти стихи восполняли своими живительными соками мои жизненные силы. Чтение Гомера возвышает. Это неотъемлемая черта всех вечных творений. «Греки время от времени словно устраивали праздники всем своим страстям и темным естественным склонностям <... > это и есть подлинное язычество их мира», – писал Ницше в «Человеческом, слишком человеческом». Загляните на этот праздник! Он все еще продолжается.

Итак, книга, которую вы держите перед собой, является расшифровкой моих радиопередач. К читателю и слушателю обращаются по-разному. Говорить не значит писать. На записи в студии слово подвижнее, свободнее, не столь *закжато*. В конце концов, говорить о Гомере в

¹ Этот цикл радиопередач «Франс Интер» выходил в эфир летом 2017 года. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *постраничные примечания принадлежат переводчику.*

микрофон – это чисто древнегреческая история: это плавание по радиоволнам. И отклонения от курса порой неизбежны.

Во французском издании цитаты приводятся по переводам Филиппа Жакоте («Одиссея») и Филиппа Брюне («Илиада»)². Последний – пример современного аэда, адаптировавшего свой перевод для чтения вслух и попытавшегося восстановить ритм гомеровского стиха со всеми его вокализациями, легато, стаккато. Цитаты из Гомера приводятся синим цветом³. Синим – как небеса и моря. Синим – как раскаленное светило и, может быть, как глаза Гомера, единственного *зрячего* слепца.

² *Homère. L'Odyssée* / Trad. de Ph. Jaccottet. Paris: La Découverte, 1982; *Homère. L'Iliade* / Trad. de Ph. Brunet. Paris: Seuil, 2010. – *Примеч. автора*. В наст. изд. использованы перевод «Илиады» Н.И. Гнедича и переводы «Одиссеи» В.А. Жуковского и В.В. Вересаева.

³ В оригинальном издании. В настоящем издании цитаты из Гомера приводятся п/ж шрифтом.

Тайны, покрытые мраком?

Близость вечных поэм

«Илиада» – это рассказ о Троянской войне. «Одиссея» – о возвращении героя на родную Итаку. Там описывается война, тут – восстановление порядка. И обе поэмы дают картину удела человеческого. Под Троей – толчея разъяренных масс, которыми манипулируют боги. В «Одиссее» герой блуждает в паутине островов, но в конце концов находит из нее выход. Эти эпосы словно вторят друг другу: проклятие войны – здесь, возможность острова – там; эпоха героев – с одной стороны, личные странствия – с другой.

В этих поэмах кристаллизуются мифы, которые две тысячи пятьсот лет назад распространились аэдами среди населения Микенского царства и Древней Греции. Сегодня они кажутся нам странноватыми, иногда чудовищными. Они населены безобразными созданиями, прекрасными, как смерть, колдуньями, обращенными в бегство армиями, бескомпромиссными друзьями, преданными женами и неистовыми воинами. Поднимаются штормы, обрушиваются стены, совокупляются боги, рыдают царевны, солдаты оттирают свои слезы замаранными в крови туниками, мужчины режут друг другу горло. А потом это массовое кровопролитие обрывает какая-нибудь трогательная сцена и проявление нежных чувств удерживает героев от мщения.

Подготовимся ко всему этому. Ведь мы будем плавать по бурным морям и блуждать по полям брани. Окажемся в пылу сражений и будем сидеть на совете богов. На нас обрушатся морские бури и ливни солнечного света. Нас будет окутывать туман. Мы будем заглядывать в занавешенные альковы, причаливать к островам и высаживаться на рифы.

Одни погибнут в бою. Другие спасутся. Но боги будут неотступно следить за всеми. И солнце будет все также струить свой свет и открывать перед нами красоту пополам с трагедией. И все будут из кожи вон лезть, чтобы воплотить задуманное, но за спиной у каждого какой-нибудь бог будет вести свою собственную игру. Окажется ли человек свободен в своем выборе или ему придется покоряться судьбе? Предстанет ли он простой пешкой в игре богов или вершителем своей собственной судьбы?

Декорациями этих поэм станут многочисленные острова, мысы и царства. В 1920-х годах географ Виктор Берар нашел им всем точное географическое соответствие. *Mare Nostrum*, Средиземное море – прародина нашей Европы, дочери Афин и Иерусалима.

Откуда же, из каких глубин пришли эти песни, потрясшие вечность? Почему они так знакомы нашему уху? Как объяснить, что какой-то рассказ, которому уже две тысячи пятьсот лет, вступает в резонанс с совершенно новой эпохой, со сверкающей рябью наших бухт? Почему благодаря этим вечно молодым стихам мы можем раскрывать загадки нашего будущего?

Почему, наконец, все эти герои и боги кажутся нам столь близкими?

Герои этих поэм продолжают жить в нас. Мы поражаемся их смелости. Нам понятны их страсти. Мы используем образы и выражения, порожденные их приключениями. Это наши безрассудные братья и сестры: Афина, Ахиллес, Аякс, Гектор, Одиссей и Елена! Их похождения породили то, чем мы, европейцы, сегодня являемся, то, что мы чувствуем, и то, о чем мы думаем. «Греки дали миру цивилизацию», – писал Шатобриан. Гомер все еще помогает нам жить.

Относительно самого Гомера существует две гипотезы.

Либо боги действительно существовали и вдохновили его на их «жизнеописания», нашептав ему свои прозрения. И тем самым поэмы, брошенные в бездну времен, стали пророчествами, призванными поведать о нашей эпохе.

Либо просто нет ничего нового под Зевесовым солнцем и сквозящие в этих поэмах темы: война и слава, величие и кротость, страх и красота, память и смерть – это то самое горячее, что подпитывает пылающий огонь вечного возвращения.

Я верю в неизменность человека. Современные социологи убеждают друг друга в том, что человек *способен к совершенствованию*, что *прогресс* и *наука* делают его лучше. Вздор! Поэмы Гомера нетленны, потому что человек, даже сменив свой облик, остается все тем же, таким же ничтожным и великим, таким же посредственным и возвышенным, неважно, скачет ли он, «шлемоблещущий», на коне по Троянской равнине или ждет рейсового автобуса.

Когда кончены муки

Вспомните то время, когда мы вынуждены были читать эти скучнейшие эпосы. Мы были школьниками – Гомер был в программе. Мы хотели играть на улице. Мы ужасно скучали и смотрели через окно на небо, в котором божественная колесница так ни разу и не показалась. А что, если теперь пришло время напиться этими золотыми стихами, насладиться этими наэлектризованными строками, вечными, потому что неповторимыми, этими шумными и яростными песнями, полными мудрости и такой невыносимой красоты, что поэты и сегодня продолжают бормотать их сквозь слезы?

Дадаисты тут дали бы такой совет: отложите второстепенные задачи! Помойте посуду завтра! Погасите экраны компьютеров! Пусть дети поплачут, а вы без промедления откройте «Илиаду» или «Одиссею», чтобы прочесть несколько отрывков вслух, стоя у моря, на вершине горы или перед окном своей спальни. Впустите в себя эти нечеловечески прекрасные песни. Они помогут вам найти путь в смуте нашего времени. Потому что наступают страшные времена. Завтра дроны будут следить за нами с загрязненного углекислым газом неба, роботы – проводить биометрический контроль нашей личности и будет запрещено заявлять о своей культурной самобытности. Уже завтра десять миллиардов человек, подключенных друг к другу, смогут постоянно шпионить друг за другом. Международные корпорации дадут нам возможность жить на десятки лет дольше, внедрив генную инженерию. Гомер, наш старый товарищ, способен развеять этот постгуманистический кошмар, предложив нам свою модель поведения – поведения человека, дышащего полной грудью в переливающимся всеми цветами радуги мире, а не множась на отведенном ему клочке земли.

Гомер – отче наш

Пятнадцать тысяч строк «Илиады», двенадцать тысяч строк «Одиссеи»: зачем же нам еще писать?!

Наскальные рисунки пещеры Ласко могли бы положить конец изобразительному искусству, а «Илиада» и «Одиссея» могли бы увенчать литературное творчество. И наши библиотеки не ломились бы под весом впустую написанных книг! Эти поэмы открывают собой эпоху литературы и завершают цикл современности.

Все разворачивается в пределах нескольких гекзаметров: величие и покорность, тяготы существования, вопрос о судьбе и свободе, дилемма безмятежной жизни и вечной славы, вопрос о чувстве меры и чрезмренности, прелесть природы, сила воображения, величие добродетели и хрупкость жизни...

Создатель этих поэтических бомб до сих пор сокрыт от нас завесами тайны!

Кем был Гомер? Как один человек смог излучить столько энергии? Этот вопрос занимал уже Ницше, и об этом до сих пор спорят ученые. Этот вопрос преследует нас и в наше *гламурное* время. Каждый век сводит творения гения к своим текущим заботам. Наш эгалитаристский век прислушивается к требованиям эго. Недалек день, когда специалисты по античности будут задаваться вопросом о том, был Гомер трансгендером или нет.

Но Гомер сам отметаает многие вопросы. В начале «Одиссеи» он призывает Мнемозину. Богиня памяти будет рассказывать эту историю, а он, поэт, будет цедить нектар мелодии. Так зачем срывать маску с певца, раз повествует богиня:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

(«Одиссея», I, 1–10)

Гомер жил в VIII веке до нашей эры. «За четыреста лет до меня», – утверждал Геродот. А это значит, что он вовсе не был военным репортером, потому что Троянская война, являющаяся сюжетом «Илиады», произошла в 1200 году до нашей эры. Эти датировки подтверждены археологическими раскопками, произведенными в степях Малой Азии одним взбалмошным немцем, вдохновившим позднее на подвиги героя фильмов Стивена Спилберга – Индиану Джонса. Этим немцем был Генрих Шлиман. Микенская культура существовала между 1600 и 1200 годом до нашей эры, затем исчезла, рухнула под тяжестью собственного веса. А значит можно говорить о четырех веках существования устной традиции передачи воспоминаний, легенд, эпоей, прежде чем некий человек, которого мы называем Гомером, стал обходить побережье и собирать материалы для создания поэмы. Так что у нас есть три гипотезы.

Либо однажды явился чистый гений, бородатый и слепой, который четыреста лет спустя после Троянской войны придумал все *ex nihilo*⁴. И значит этот несравненный творец, демиург и чудовище в одном лице, изобрел литературу, как люди когда-то обрели огонь.

Либо Гомер – это имя, данное некоему сообществу рапсодов, бардов или поэтов, которые до недавнего времени еще бродили по берегам Эгейского моря и на Балканах и умели сочинять на ходу длинные эпические поэмы. Сегодня это племя рассказчиков назвали бы «художественным коллективом». Из века в век эти собиратели устных традиций создавали свое произведение, постепенно удлиняя его, латая, там и сям дополняя лирическими отступлениями и картинками воинской доблести. Если бы это так и было, то «Илиада» и «Одиссея» напоминали бы разноцветный стеганный костюм Арлекина и были бы простым *упорядочиванием* устного наследия. А все эти разношерстные вставки можно было бы рассматривать как «интерполяции».

Либо – как утверждает крупнейший французский историк-эллинист Жаклин де Ромийи – истина кроется где-то посередине. Гомер – это великий компилятор. Он собрал множество традиционных рассказов, замесил их и тем самым создал свой уникальный стиль, свою манеру повествования. Вспомните Брамса, который вставлял в классическую музыку венгерские народные танцы. Гомер – это алхимик, смешавший в *одной* реторте *множество* ингредиентов. Ничтоже сумняшеся он перемешивал деяния и исторические сюжеты разных эпох. А разве вдохновение не похоже на *кулинарию*?

Один ли был источник или их было несколько, сам текст относится к VIII веку до нашей эры, то есть к тому времени, когда греки переняли финикийский алфавит и вновь обрели письменность, утраченную в период «темных веков», последовавших за упадком Микенской культуры. Ученые спорят о том, принадлежали общества «Илиады» и «Одиссеи» к Микенской культуре или они сформировались в «темные века», когда ростки индоевропейской цивилизации распространились по архипелагам Эгейского моря.

Но все это академические тонкости! Гомер – это прежде всего имя первозданного чуда, того момента, когда человечество обрело возможность зафиксировать в своей памяти рефлексию собственного существования.

Гомер – это прежде всего голос, и только потом – герой биографического описания (какая скука!). Он дает людям возможность понять, почему они стали такими, какими стали. Надо ли знать, открывая «Человеческую комедию», что Бальзак любил кофе? Нужно ли знать координаты GPS городка Комбре, чтобы мечтать о Жильберте? О боги Олимпа! Специалисты тратят столько энергии на расследование правдоподобности того или иного факта, что в конце концов начинают забывать о его содержании!

⁴ Из ничего (лат.).

Гнозис, гипнозис, неврозис

Почему мы не мурлычем себе под нос стихи Гомера, как какой-нибудь шлягер? Наши деды заучивали наизусть фрагменты из «Илиады» и «Одиссеи», а мы с трудом можем процитировать один стих. Почему сегодняшняя школьная программа оставляет без должного внимания Гомеровы сокровища?

Было бы настоящей бедой лишать целые поколения этих божественных песней, этих золотых стихов, этого пламенного глагола. Благодаря усилиям Министерства образования классика сдает свои позиции. За последние десятилетия горстке идеологов, призванных реформировать школьную программу, удалось совершенно обескровить изучение греко-латинских классиков. Если им верить, изучение мертвых языков – удел элиты, остальным они не нужны.

Мы просим Министерство образования не пренебрегать живейшим интересом детей к странствиям Одиссея, нежности Андромахи и героизму Гектора.

Археолог Генрих Шлиман писал в своем дневнике: «Как только я научился говорить, отец стал рассказывать мне о великих подвигах героев Гомера. Я очень любил эти рассказы. Они очаровывали меня. Они вдохновляли. И эти первые детские впечатления остаются с ребенком на всю жизнь».

Вот уже две тысячи лет «Илиада» и «Одиссея» воспитывают европейскую душу и дают ученым мужам пищу для комментариев. Это хорошо понимал еще Платон: Гомер «просветил греков».

Каждая строка была изучена тысячу раз. Некоторых это довело до невроза. Одни толкователи посвятили свою жизнь одному-единственному фрагменту, другие писали книги об одном-единственном эпитете (например, о прилагательном «богоравный», которым Гомер снабжает Одиссея свинопаса). Немного смущаешься, вступая на порог этого храма науки! Тем не менее каждый из нас, несмотря на все эти гималаи толкований – от Вергилия до Марселя Конша⁵, от Расина до Шелли и Ницше – обретает юношеский задор, самостоятельно пробираясь сквозь это развилостое повествование, находя в нем свои собственные ориентиры, почерпывая бесценные сведения и выдвигая новые интерпретации.

В истории человечества существует немного произведений, – если не учитывать великие религиозные откровения, – которые вызвали такое обилие толкований. Это упражнение в комментировании само по себе прекрасная игра. Поэт Филипп Жакоте с нежной иронией отзывается об этом шквале работ. Предваряя свои переводы Гомера небольшим вступлением, он пишет: «Сначала пусть возникнет необыкновенное ощущение свежести, как от зачерпнутой в ладонь проточной воды. После чего предавайтесь комментариям хоть до бесконечности». Еще можно поступить как Генри Миллер, который, изображая неуча, признается в книге «Колосс Маруссийский», что до своего приезда в Грецию не читал Гомера, чтобы не испытывать на себе его влияние.

Мы же наоборот окунемся в эти поэмы с головой и будем периодически твердить их стихи, подобно псалмам. В этой голубой лагуне каждый найдет отражение своей собственной эпохи, ответы на свои мучительные вопросы или иллюстрации своего внутреннего опыта. Одни извлекут из поэм уроки. Другие найдут в них поддержку. Под музыку этих песней каждый сможет очистить свой разум, не обращая внимания на претензии одного мелкого буржуа по фамилии Бурдьё⁶ к племени эрудитов. И для этого нет никакой нужды заканчивать университет.

⁵ Марсель Конш (род. 1922) – французский философ, специалист по метафизике и античной философии.

⁶ Пьер Бурдьё (1930–2002) – французский философ, социолог, этнолог.

Гомеровская география

Для написания этой книги я уединился на Кикладах. Месяц жил на острове Тинос, напротив Миконоса, в бывшей венецианской голубятне, с которой было видно Эгейское море. На соседнюю скалу часто навевалась сова. Ее крики раздирали ночь. На спускающихся к бухточке склонах паслись козы. Я читал «Илиаду» и «Одиссею» при свете лампочки, питавшейся от генератора. Непрестанный ветер добавлял мне хлопот. Внизу от сильных порывов ветра бесновалось море. Шторм разрывал атласные воды, словно ударами кулака. Из книг вырывались листки и разлетались по округе. Цветки асфодели никли, по стенам стремительно носились сколопендры. Откуда такое буйство природы?

Чтобы понять вдохновение слепого художника, вскормленного светом, ветрами и пеной морской, нужно пожить на скале. Сам дух этих мест питает людей. Я верю в капиллярное проникновение географии в наши души. «Мы – порождение наших пейзажей», – писал Лоренс Даррелл.

Благодаря пребыванию на этой скале я стал проникать в физическую субстанцию гомеровского эпоса. Генри Миллер полагал, что всякое *путешествие* в Грецию наполнено «духовными видениями». Нужно проникнуться той физической материей, из которой Гомер извлял свои поэмы.

Свет неба, ветер, шелестящий в деревьях, лежащие в дымке острова, блуждающие по морю тени, шторма – все это отголоски античной геральдики. У каждого места есть свой гербовый щит. В Греции в него бьется ветер, его заливают свет, на нем проступают отроги гор. Одиссей получал эти же сигналы на борту своего корабля. Воины Приама и Агамемнона получали их на Троянской равнине. Жить в географии значит сокращать расстояние между телом читателя и абстракцией текста.

Абстрагироваться от реальности?

«Илиаду» и «Одиссею» можно рассматривать как поэмы без топографии. Нет нужды укоренять их в каком-то конкретном *месте*, потому что они адресованы универсальному *не-месту*. Вневременность этих поэм обращена к человеческой душе. В конце концов, мифы никогда не опирались на реальность. Разве Евангелие не нашло благодатную почву среди иудеев, так же как среди евреев? Нужно ли точно определять местоположение леса, в котором разворачивается шекспировский «Сон в летнюю ночь», чтобы влюбиться в Пака? Идеи не подразумевают географических карт, и Гомер прекрасно обходится без путеводителя Мишлен. Тем не менее исследователи упорно восстанавливали маршрут плавания Одиссея. А после того как Генрих Шлиман раскопал руины Трои, археологи посвятили себя поискам града Приама. Гомеровская география стала целой наукой. Некоторые ученые пошли еще дальше. Они хотели доказать, что ахейцы пришли с берегов Балтийского моря и говорили на индоевропейских языках. Ален Бомбар утверждал, что Одиссей пересек пролив Гибралтар и добрался до Канарских островов и Исландии. В 1920-х годах эллинист Виктор Берар описал маршрут Одиссея⁷ и идентифицировал все места, расположив, например, царство Цирцеи в Италии, пещеру Калипсо на юге Гибралтара, Эоловы острова и остров светоносного бога – рядом с Сицилией, а территорию лотофагов – в Тунисе. В 1980-х годах путешественник Тим Северен построил корабль гомеровского периода и плывал по геопоэтическому архипелагу Одиссея, используя морские приспособления той эпохи. Думается, все эти шерлоки холмсы гомеровских штудий просто теряли время, играя в поиски сокровищ, вместо того, чтобы довольствоваться красотой самих поэм.

Тем не менее поэт – это не эктоплазма, состоящая из абстракций. Поэты, как и все люди, живут в реальном мире. Они дышат определенным воздухом, питаются плодами своей земли, любят неповторимыми пейзажами. Природа подпитывает их взгляд, взгляд подпитывает вдохновение, а вдохновение порождает произведение. У «Илиады» и «Одиссеи» была бы другая тональность, если бы Гомер был молдовалахом.

На острове Тинос, напуганный порывами ветра и оглушенный светом, я понял, что гомеровская поэзия родилась из встречи гения места и с человеческим гением. Эти поэмы вдыхали именно этот воздух и это море. И если Гомер обладал таким запасом образов и аналогий, то потому, что эта география была ему очень близка, потому, что он любил эти места, тут и там черпая образы, которые были бы другими, если бы они были собраны в других краях:

Словно как маслина дерево, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохладяя,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но внезапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает, —
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
Словно как лев, на горах возросший, могучеством гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;
После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,
Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик непрерывный, но выйти

⁷ См. с. 12 наст. изд.

Против него не дерзают: бледный их страх обымает, —
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.

(«Илиада», XVII, 53–69)

Жизнь в свете

«Одиссея» и «Илиада» лучатся фотонами. У греков всегда был культ света. На свою беду Ахиллес становится собственной тенью. Покинуть свет Солнца – зловещее предзнаменование. С этой звездой шутки плохи. Свет наполняет нашу жизнь и радует мир. Он омывает эти поэмы прозрачным золотом. Каждый высаживающийся на греческих берегах ищет этого золотого дождя. «Лейтмотив Греции – это свет», – писал Морис Баррес⁸

⁸ Морис Баррес (1862–1923) – французский писатель и политический деятель; цитата из его книги «Путешествие в Спарту» (1906).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.